

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 169–175.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 169–175.

Рецензия
УДК 327:316.347(59+5)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/169-175>

Государство и общество перед вызовами этнокультурного разнообразия: региональные движения стран Большой Юго-Восточной Азии

Иван Николаевич Золотухин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru

Аннотация. Несмотря на цивилизационно-культурное разнообразие стран ЮВА, им удалось сформировать устойчивые международные институты и приблизиться к воплощению идеи общерегиональной идентичности посредством реализации инициатив по укреплению межкультурного взаимодействия. В то же время ЮВА сохраняет высокий конфликтный потенциал в форме застарелых конфликтов между государственными институтами и негосударственными объединениями. Работа содержит анализ исследовательских материалов, посвящённых проблемам столкновения и диалога государственных и гражданских структур касательно вопросов региональной идентичности. В рецензии отражены как сценарии успешного противодействия со стороны государства центробежным тенденциям, так и примеры разной степени автономизации региональных общностей. Опираясь на богатый фактологический материал, авторы монографии освещают политическую историю ЮВА, знакомят читателей с малоизвестными случаями "бунтующей этничности", предлагают своё видение на то, как государству избежать дезинтеграции и сепаратизма, а также деструктивных форм региональной идентичности.

Ключевые слова: *Большая Юго-Восточная Азия, гражданские объединения, государственные институты, регион, региональные движения, конфликт, ресентимент*
Для цитирования: Золотухин И. Н. Государство и общество перед вызовами этнокультурного разнообразия: региональные движения стран Большой Юго-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 169–175. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/169-175>

Review
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/169-175>

State and Society Facing the Challenges of Ethnocultural Diversity: Regional Movements in the Countries of Greater Southeast Asia

Ivan N. Zolotukhin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru

Abstract. Despite the civilizational and cultural diversity of the countries of SEA, they managed to form stable international institutions and come closer to the embodiment of the idea of a common regional identity through the implementation of initiatives to strengthen intercultural interaction. At the same time, SEA retains a high conflict potential in the form of long-standing conflicts between state institutions and non-state associations. The work contains an analysis of research materials devoted to the problems of clashes and dialogue between state and civil structures regarding issues of regional identity. The review reflects both scenarios of successful counteraction by the state to centrifugal tendencies and examples of varying degrees of autonomization of regional communities. Based on rich factual material, the authors of the monograph highlight the political history of SEA, introduce readers to little-known cases of "rebellious ethnicity", and offer their vision of how the state can avoid disintegration and separatism, as well as destructive forms of regional identity.

Key words: *Greater Southeast Asia, civic associations, state institutions, region, regional movements, conflict, resentment*

For citation: Zolotukhin I. N. State and Society Facing the Challenges of Ethnocultural Diversity: Regional Movements in the Countries of Greater Southeast Asia // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 169–175. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/169-175>

Проблемы ЮВА находятся в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей, а происходящие в регионе события являются важной частью международной повестки. Огромное значение ЮВА в глобальных процессах стало результатом коллективных действий стран региона, которые, несмотря на сложную международную обстановку и внутриполитические конфликты, реализует масштабные интеграционные проекты. Одним из примеров таких действий является Ассоциация государств ЮВА (АСЕАН), выдержавшая испытание временем и ставшая стержневым компонентом мировой

Рецензия на книгу: Государственные институты, гражданские ассоциации и требования идентичности: региональные движения в Большом Юго-Восточном регионе Азии / Под ред. Эми Х. Лю и Джоэла Сауэта Селвея. Энн Арбор: изд-во Мичиганского университета, 2024. 316 с. [7]

экономики, а также ключевым элементом архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Некоторые отечественные исследователи видят в цивилизационно-культурном многообразии ЮВА, населённой способными к сосуществованию друг с другом общностями, серьёзное преимущество перед другими регионами мира [4, с. 20], давшее созидательный импульс процессам интеграции, углубление и расширение которых предполагает формирование общерегиональной идентичности путём сближения народов и реализации инициатив по укреплению межкультурного взаимодействия.

В то же время ЮВА сохраняет высокий конфликтный потенциал, препятствующий достижению синергетического эффекта в рамках региона. Наличие застарелых конфликтов, в основе которых лежат противоречия между государственными институтами и негосударственными общностями, становится катализатором внутриполитических процессов большинства стран ЮВА после Второй мировой войны [1, с. 93]. Ситуация усугублялась необходимостью решения правительствами стран ЮВА острых политических вопросов, многие из которых достались им в наследство из колониального периода, когда влияние западных стран трансформировало и травмировало сложившиеся на протяжении столетий самобытные условия проживания и взаимодействия разных этнических общностей. Ставка молодых правительств стран ЮВА на построение государства-нации в условиях полиэтничной среды и сохранение проведенных колонизаторами границ, разделявших территории проживания разных этнических групп, привела к "политизации этничности" [6, р. 17] и формированию региональных объединений, выступающих за разные формы самостоятельности от государства. В результате ЮВА становится ареной борьбы между государством и региональными движениями, в которой драматически переплетены судьбы разных народов, а длительные конфликты на этнической почве приводят к кровавым столкновениям.

Разнообразие форм противостояния и взаимодействия государственных структур и негосударственных объединений отражено в коллективной монографии "Государственные институты, гражданские объединения и требования идентичности: региональные движения в Большой Юго-Восточной Азии". Работа представляет собой результат изучения форм социально-пространственной идентификации регионального уровня. Проанализировав порядка 20 регионов в восьми странах Большой ЮВА (включая частично признанное государство Тайвань)¹, авторы знакомят читателей с примерами разной степени автономизации региональных общностей: успешная сецессия (Сингапур, Восточный Тимор), продолжающиеся проявления сепаратизма (южные Филиппины), внутренне разделённые региональные движения (штат Качин (Мьянма)), политически инертные регионы (северо-восточный Таиланд, восточная и северная Малайзия) и др.

Стараясь разъяснить, что является причиной разнообразного характера региональной идентичности и почему в ряде регионов возникают политические движения, способные привести к дезинтеграции государства, авторы выдвигают тезис о том, что интенсивность и успешность региональной мобилизации определяется степенью инклюзивности государственных институтов и гражданских объединений. Данный тезис определяет логику структурирования монографии: первая её часть посвящена политике государственных институтов в отношении этнических групп; во второй исследуется роль гражданских объединений в формировании интересов региональных общностей. В заключительной части делаются обобщения о необходимости соблюдения баланса между национальными интересами и региональной спецификой, дабы государство сумело предотвратить отчуждение и сепаратизм региональных групп, а деятельность последних, в свою очередь, не привела к внутриполитическим и международным конфликтам.

Первый раздел посвящён различным инструментам государственной политики в решении региональных конфликтов. В шести главах рассмотрены региональные проблемы, с которыми столкнулись государственные структуры, а также варианты их решения. Авторы уделяют внимание влиянию фак-

¹ Авторы рассматривают Тайвань как часть географической общности.

тору инклюзивности государственных институтов, который, по их мнению, создаёт легитимное поле для диалога с региональными движениями.

Э. Энг в главе "Государственные учреждения в южной Малайзии: вхождение и выход Сингапура, 1963–65 гг.", исследуя причины отделения Сингапура от Малайзии, отмечает ограниченное политическое представительство первого в составе федерации в условиях доминирования Партии народного действия на региональном уровне. По мнению автора, если бы малазийские власти учли интересы Сингапура и предоставили его населению, $\frac{3}{4}$ которого составляли этнические китайцы, более широкую автономию, была вероятность сохранить Сингапур в составе Малайзии. Однако федеральные власти были озабочены укреплением национального единства, сделав ставку на политику, в основе которой лежало предоставление привилегированного статуса представителям бумипутра².

Вариант полиэтнической гармонии по-малазийски не устроил Ли Куан Ю, выступавшего за полиэтническую меритократию и равноправие всех граждан независимо от их этнической принадлежности. Анализируя успешность действий Ли Куан Ю, которые привели к исключению Сингапура из федерации, автор отмечает недочёты политики позитивной дискриминации малазийских властей, которым в итоге пришлось выбирать между репрессивным вариантом и сецессией. Автор допускает, что Сингапур, возможно, остался бы частью Малайзии, если бы Тунку Абдул Рахман³ отдал приказ арестовать "отца сингапурской государственности". Однако власти страны не решились пойти на такой шаг, опасаясь массовых протестов и угрозы политического кризиса. Последующие события политической истории Малайзии показали, что опыт Сингапура стал для малазийского руководства своего рода прививкой против дальнейшей дезинтеграции страны на фоне масштабных межэтнических столкновений.

В главе "Государственные учреждения в северном Тайване против южного Тайваня: признание языка хоккиен" Чун-Ин У и Эми Лю рассматривают пример того, как носители хоккиен смогли добиться уступок от го-миндановского правительства, которое отошло от продолжавшейся более 40 лет политики репрессивного монолингвизма. Авторы связывают признание хоккиен, носители которого составляют большинство населения острова, с демократическими преобразованиями на Тайване, обусловившими смягчение языковой политики и более пристальное внимание правительства к этнорегиональным различиям. Признание этнического разнообразия страны видится залогом обеспечения внутривластной стабильности. Это нашло отражение в дальнейших шагах правительства, направленных в сторону признания языков коренных народов, проживающих преимущественно в северной части острова и составляющих меньшинство населения страны. Авторы связывают поддержку правительством языков коренных народов с изменениями демографического состава населения северного Тайваня.

Риса Тоха в главе "Государственные институты северной Суматры: национальная идентификация батаков" рассматривает процесс реинтеграции коренного населения Суматры после восстания против правительства Сукарно под руководством Революционного правительства Республики Индонезия в 1958 г. Автор приводит доказательства того, что инклюзивная политика государства способна трансформировать региональную (в данном случае пансуматранскую) идентичность в национальную. Восстание батаков показало трудности, с которыми был сопряжён процесс нациестроительства в Индонезии, вызванный сложным географическим ландшафтом и этническим многообразием. Тем более значимым является опыт индонезийского правительства в решении региональных проблем.

Вовлечение батаков в государственные структуры способствовало тому, что они стали частью национальной общности, сохранив при этом свою этническую принадлежность. В то же время автор не отрицает того факта, что для

² Бумипутра – собирательное название малайцев и коренного населения Малайзии. Бумипутра обладают особыми привилегиями в отличие от граждан страны, относящихся к другим этническим группам.

³ Тунку Абдул Рахман – первый премьер-министр Малайзии.

большинства населения многомиллионной страны национальная идентичность превалирует над региональной, что облегчило процесс реинтеграции батаков после подавления восстания. В отличие от предыдущих авторов Риса Тоха склоняется к тому, что демократический режим не всегда подразумевает инклюзивность государственных институтов: именно при авторитарном правлении Сухартно батаки получают возможность для представительства в органах государственной власти.

В главе "Государственные институты на севере Филиппин против южных Филиппин: противопоставление начал национального восстания" Мэри Энн Мендоза-Дэве уделяет внимание такому важному инструменту социально-политической мобилизации населения как образование. Автор указывает на то, как колониальная политика в области образования способствовала формированию филиппинской национальной идентичности, в основе которой лежало христианство и западные ценности, в то же время лишая мусульманский Юг полноценного доступа к государственному образованию. До обретения Филиппинами независимости американская администрация не оспаривала существовавшую структуру исламского образования. Более того, чиновники допускали учебные программы, адаптированные к различиям внутри мусульманского населения, тем самым цементируя этноконфессиональные границы внутри страны.

Алгоритмы действий филиппинского правительства в области образования, предполагавшие интеграцию мусульман в единое национальное пространство, способствовали развитию мусульманской региональной идентичности: созданная в 1957 г. Комиссия по национальной интеграции предоставляла стипендии для культурных меньшинств и помогала увеличить число выпускников мусульманских учебных заведений; кроме того, филиппинские мусульмане получили возможность обучаться за границей, и, став выпускниками духовных вузов, преподавали в мусульманских школах страны. Централизованное образование оказалось не в состоянии преодолеть региональные различия, которые вылились в восстания военизированных групп с введением военного положения при президенте Маркосе-старшем.

В главе "Государственные институты в восточной Малайзии против западной Малайзии: сдерживание недовольства в этнорелигиозной доминирующей партийной системе" Мохамед Салихин Субхан и К. Оствальд, отмечая особенность географического положения Малайзии, упоминают отсутствие чёткой региональной идентичности в восточной (островной) части страны, объясняя это результатом политики федеральных властей, помешавшей политической мобилизации коренных народов Сабаха и Саравака посредством кооптации местных элит и их клиентелистских сетей в государственную систему управления. Для западной (полуостровной) части Малайзии характерна очаговая локализация этнически разнообразных несмежных областей. Авторы выделяют в этой части страны полиэтнический квазирегión, состоящий из городских и пригородных районов, расположенных вдоль западного побережья Малаккского полуострова. Несмотря на большое число немалайского населения в западной части Малайзии, в силу своей рассредоточенности и разобщённости оно не стало почвой для регионализма и сепаратизма. Программы защиты интересов бумипутра сдерживают стремление немалайцев-немусульман к языковой и религиозной автономии. Кроме того, много образованных небумипутра покидают полиэтнические районы Малаккского полуострова, составляя непропорционально большую долю эмигрантов из Малайзии.

В последней главе раздела – "Государственные институты на северо-востоке Таиланда: этническая группа лао и тайская идентичность" Дж. Рикс исследует феномен региональной идентичности населения провинции Исан. Автор показывает, как в результате ассимиляционной политики можно сформировать региональную идентичность, не тяготеющую к сепаратизму. Столетиями проживавшее на территории Исана нетайское население чуть более века спустя стало воспринимать себя исанцами и тайцами. Правительство Таиланда использовало стратегию двойного удара, сначала исключив этническую идентичность лао из государственных записей на рубеже XX в., а затем предприняв согласованные усилия по созданию единой тайской идентичности через национальную систему образования. В настоящее время составляющие треть населения Таиланда исанцы, сохраняя региональные различия,

не воспринимаются как угроза территориальной целостности государства, поскольку исанская региональная идентичность вписывается в национальную.

Раздел, посвящённый инициативам "снизу", повлиявшим на формирование и характер региональных движений, начинается с главы "Гражданские объединения на Восточном Тиморе, Индонезия: уроки из попыток независимости Тимора-Лешти", в которой С. П. Хариш исследует опыт запоздалой, но успешной региональной мобилизации, отмечая, что попытка создания на Восточном Тиморе независимого государства после нескольких столетий португальского правления провалилась по причине разобщённости социальных движений и отсутствия консенсуса среди них по поводу политического развития страны. Однако последовавшая 25-летняя индонезийская оккупация, воспринятая островитянами как угроза тиморской идентичности, вызвала импульсы гражданского противодействия и способствовала консолидации гражданских объединений и сообществ, включая католическую церковь, активность которых стала ключевым фактором обретения независимости. В то же время, оценивая события, которые привели к независимости Тимора-Лешти, автор отмечает влияние на них изменений как во внутренней политике Индонезии, так и условий международной среды, благоприятствующих урегулированию восточнотиморского конфликта.

Продолжая тему гражданских инициатив на региональном уровне, Р. Танс в главе "Гражданские ассоциации на Бали, Индонезия. Мелиорация побережья и этническая мобилизация" затрагивает нетривиальный пример того, как этническая идентичность помогла объединить разнородные социальные элементы в борьбе против засыпания и застройки акватории залива Беноа. Гражданским активистам вместе с органами местного самоуправления удалось создать коалицию, которая вступила в противостояние с центральными и провинциальными властями. Для этого они использовали аргументы в защиту священных для балийцев мест и сделали ставку на балийскую практику "пупутан" (сопротивление до конца). Воззв к традиционным ценностям, активисты представили рекультивацию как угрозу не только интересам жителей острова, но и балийской идентичности, умело направив недовольство населения острова против замыслов индонезийского правительства.

А. Пеллетье в главе "Гражданские объединения в северной Мьянме: панэтнический национализм и субэтническая мобилизация в штате Качин" уделяет внимание конфликту разноуровневых идентичностей в отдельном регионе, которые привели к тому, что усилия по достижению качинами независимости на севере Мьянмы зашли в тупик. Автор утверждает, что на формирование панкачинской идентичности повлияли христианские миссионеры, которые не учли сложность и разнообразие этнической общности качинов, в том числе конфликты между субэтническими группами. Общности лису и раванг сохраняют сложные отношения с более христианизированными цзинпо, а попытки Армии независимости качинов (АНК) силовым путём привлечь на свою сторону субэтнические группы делают качинскую идентичность ещё более хрупкой.

В главе "Гражданские ассоциации в Малуку, Индонезия: объяснение провала движения за Республику Южно-Молуккских островов" Дж. Соедирго объясняет неудачную попытку элит Амбона в 1950 г. обрести независимость глубоким конфессиональным расколом между христианами и мусульманами, оказавшимся сильнее этнической солидарности и попыток мобилизовать население риторикой антиколониальной борьбы. Амбонский национализм не выдержал столкновения с глубоко укоренившимися в повседневной жизни населения Молукк религиозными институтами, стремление лидеров Малуку-Селатан культивировать у христиан и мусульман чувство этнического единства через обращение к общему историческому наследию не помогло им получить поддержку населения в противостоянии насильственной реинтеграции в состав Индонезии.

Дж. Менчик в главе "Гражданские объединения в Северном Сулавеси, Индонезия: этническая политика и уровень проблем мобилизации для Бангса Минахаса" показывает, как местным христианским ассоциациям, оказавшим влияние на формирование идентичности минахасцев, оказалось не под силу создать основу для независимости региона. Конкурирующие за власть местные элиты не сумели мобилизовать население на борьбу против центральной

власти, а повстанческое движение "Перместа" было быстро подавлено индонезийской армией. Политика Джакарты, обеспечившая минахасцам административные привилегии и экономические выгоды, свела на нет условия для развития независимой региональной идентичности.

В главе "Гражданские объединения в северном Таиланде: культурные и региональные движения в регионе Ланна" уделено внимание тому, как подавляемая идентичность способна возродиться в изменившихся политических условиях. Дж. С. Селуэй отмечает, что подавляемые правительством на протяжении десятилетий гражданские объединения на севере Таиланда активизируются с 2000-х годов с приходом к власти премьер-министра Таксина Чинавата, уроженца Чиангмая⁴. Продвигая идею общего культурного наследия, берущего начало в средневековом королевстве Ланнатхай, гражданские объединения создают почву для интерпретации политических обид нанесённых населению Ланна. По мнению автора, деятельность выступающих за культурное возрождение гражданских объединений способствует зарождению националистического движения Ланна в северном Таиланде.

В заключительном разделе, аккумулирующим выводы по предыдущим главам, Э. Лиу и Дж. С. Селуэй отстаивают тезис о том, что нельзя рассматривать влияние государственных институтов и гражданских объединений на формирование региональных движений независимо друг от друга, параллельно отмечая необходимость изучения характера политического режима и компонентов социальной структуры как значимых факторов мобилизации протестного потенциала.

Авторы подчёркивают, что региональные кейсы отражают динамику социально-политических процессов и этнокультурное разнообразие стран Большой ЮВА, определяющих возможность или невозможность создания региональных движений. Освещая историю регионов и этнических групп государств Большой ЮВА, исследователи делятся размышлениями о природе региональной дезинтеграции и сепаратизма, рассматривая возможность применения своих теоретических обобщений для анализа схожих явлений в других странах мира.

Анализируя проявления социально-пространственной идентификации на региональном уровне, авторы неоднократно подчёркивают влияние на её формирование этнического фактора. В то же время региональная идентичность, в отличие от этнической, является результатом социальной инженерии, происходящей в определённых условиях внутривнутриполитической и международной среды. Изучение природы региональной идентичности показывает, что она зачастую находится в конкурентных и даже антагонистических отношениях с другими идентичностями.

Следует отметить, что данная работа актуальна в свете феномена ресентимента⁵, который, по мнению Ф. Фукуямы, характеризует современный этап политического развития [5, р. 7] и проявляется в росте антинастроений со стороны различных социальных групп, которые десятилетиями накапливали в себе негативные переживания. По мнению Д. Козлова, ресентимент напоминает мину замедленного действия, реактивность которой может контролироваться и отодвигаться до подходящего времени для выброса накопленной деструктивной энергии [2, с. 89].

В целом коллективная монография представляет собой фундаментальное научное исследование, способное служить прочной основой для анализа политический процессов в регионе. Издание будет интересно не только специалистам с области региональных исследований, но и широкому кругу

⁴ Чиангмай – крупнейший город северного Таиланда и второй по численности населения. Чиангмай был столицей королевства Ланнатхай, захваченного в середине XVI в. бирманцами. В конце XVIII в. территория Ланнатхай перешла под протекторат Сиам, полностью став его частью в первой половине XX в.

⁵ Термин "ресентимент" (в переводе с французского означающий "негодование, мстительность") в социально-этическом аспекте впервые использовал Ф. Ницше в своей работе "К генеалогии морали", определяя его как ненависть слабых людей, ощущающих своё низкое положение, по отношению к высостоящим. По мнению Ницше, ресентимент зародился в Европе как проявление ненависти и ожесточения против направленных на преобразование католического христианства реформ XVI-XVII вв. [3, с. 298].

читателей, интересующихся вопросами идентичности и взаимодействия между государственными институтами и гражданским обществом.

Литература / References

1. Золотухин И. Н. Особенности национальной политики в странах Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны // Ойкумена. Региональные исследования. 2010. № 4. С. 91–100.
Zolotukhin I. N. The Peculiarities of the National Policy in the South-East Asia after WWII // Ojkumena. Regional Researches. 2010. N 4. P. 91–100 (In Russ.).
2. Козлов Д. В. Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ре-сентимента // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 85–98.
Kozlov D. V. Mass political behavior in modern Russia in light of the concept of resentment // Polis. Political studies. 2017. No. 1. P. 85–98. (In Russ.).
3. Ницше Ф. К генеалогии морали. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
Nietzsche F. On the genealogy of morality. Works: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1990. 829 p. (In Russ.).
4. Сообщество АСЕАН в современном мире: монография / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. М.: ИД "ФОУМ", 2019. 296 с.
ASEAN Community in the modern world: monograph / G. M. Lokshin, E. V. Kobelev, V. M. Mazyrin. Moscow: ID "FORUM", 2019. 296 p. (In Russ.).
5. Fukuyama F. Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition by. London: Profile Books Ltd, 2018. 240 p.
6. Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981. 290 p.
7. State Institutions, Civic Associations, and Identity Demands: Regional Movements in Greater Southeast Asia / Ed. by Amy H. Liu and Joel Sawat Selway Ann Arbor: University of Michigan Press, 2024. 316 p.

Информация об авторе

Иван Николаевич Золотухин, канд. полит. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zolivnik@mail.ru

Information about the author

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolivnik@mail.ru

Поступила в редакцию 30.01.2025

Received 30.01.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Accepted 26.05.2025